

УДК: 070.1+316.75

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-2-0-7

Шарков Ф. И.¹,
Дадаев З. А.²

**Ценности, социальные ожидания и магистральные
коммуникации молодежи Дагестана
(опыт политической антропологии)**

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, пр-т Вернадского, д. 84. г. Москва, 119606, Российская Федерация; *sharkov_felix@mail.ru*

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, пр-т Вернадского, д. 84. г. Москва, 119606, Российская Федерация; *dadaevzaur642@gmail.com*

Аннотация. В силу полинациональности и полиэтничности Российского государства поведение молодого поколения в разных регионах обладает как сходством, так и отличием, отличительной системой ценностных ориентаций, социальных ожиданий. Примером является современное дагестанское общество, в котором наблюдается мощный процесс религиозного возрождения, в итоге ислам и исламские духовные лица стали лидерами общественного мнения, авторитетом для молодого поколения дагестанцев. Уровень благосостояния молодых людей часто становится одним из первостепенных факторов, влияющих на их политическое сознание. В этой статье обсуждается необходимость преодоления широко распространенных в обществе упрощенных представлений о политической жизни молодежи, представления более сложного взгляда на ситуацию, учитывающего новые условия жизни молодежи и множественность смыслов, которые сходятся в их политических пространствах. Поэтому, после критического рассмотрения некоторых теоретических и аналитических предположений, в основе которых заложены негативные диагнозы, мы поразмышляем о том, как формируются магистральные коммуникации молодежи Дагестана и какие факторы влияют на политические трансформации в современном медиапространстве, особенно на молодых людей, испытывающих серьезное влияние религиозных представлений. В статье использованы результаты исследования ценностей, социальных ожиданий и магистральных коммуникаций молодежи Дагестана, проведенного Дагестанским федеральным исследовательским центром Российской академии наук, в городах Махачкала, Дербент, Кизилорт, Хасавюрт, а также в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кумторкалинском, Левашинском районах методом случайного отбора. Используются результаты опроса экспертов по проблемам противодействия терроризму в Республике Дагестан в 2022 году, в котором принял участие один из соавторов.

Ключевые слова: ценности; социальные ожидания; магистральные коммуникации; политическая антропология; Дагестан

Для цитирования: Шарков, Ф. И. и Дадаев, З. А. (2025), «Ценности, социальные ожидания и магистральные коммуникации молодежи Дагестана

(опыт политической антропологии)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(2), 79-87. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-2-0-7

F. I. Sharkov¹,
Z. A. Dadaev²

**Values, social expectations and backbone communications
of Dagestan youth (experience of political anthropology)**

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadsky Ave., Moscow, 119606, Russian Federation; *sharkov_felix@mail.ru*

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadsky Ave., Moscow, 119606, Russian Federation; *dadaevzaur642@gmail.com*

Abstract. Due to the polynationality and polyethnicity of the Russian state, the behavior of the younger generation in different regions has both similarities and differences, a distinctive system of value orientations and social expectations. An example of this is modern Dagestan society, which is undergoing a powerful process of religious revival. As a result, Islam and Islamic spiritual leaders have become leaders of public opinion and authorities for the younger generation of Dagestanis. The level of well-being of young people often becomes one of the primary factors influencing their political consciousness. This article discusses the need to overcome the widespread simplistic ideas about the political life of young people in society, to present a more complex view of the situation, taking into account the new living conditions of young people and the multiplicity of meanings that converge in their political spaces. Therefore, after a critical review of some theoretical and analytical assumptions based on negative diagnoses, we will reflect on how the backbone communications of Dagestan's youth are formed and what factors influence political transformations in the modern media space, especially for young people who are seriously influenced by religious beliefs. The article uses the results of a study of the values, social expectations, and main communication channels of young people in Dagestan. This study was conducted by the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences in the cities of Makhachkala, Derbent, and Kizlyurt, as well as in the Botlikh, Derbent, Kazbek, Kizlyar, Kumtorkalinsky, and Levashinsky districts. Random sampling was used. The results of a 2022 survey of counter-terrorism experts in the Republic of Dagestan, in which one of the co-authors participated, are used.

Keywords: values; social expectations; backbone communications; political anthropology; Dagestan

For citation: Sharkov, F. I. and Dadaev, Z. A. (2025), “Values, social expectations and backbone communications of Dagestan youth (experience of political anthropology)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(2), 79-87, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-2-0-7

Введение

Профессор и исследователь
Университета Квебека Мишель Сенекаль
показал, что СМИ не только играют роль в

передислокации всей экономики, но и
выстраивают коммуникационные
магистральные в политической сфере.
Магистральные коммуникации в

экономической и политической сфере стали особенно активными в цифровом пространстве, что требует особого внимания по отношению к электронной демократии (Sénecal, 2014). Эта тема особо затрагивает современную молодежь.

Поведение молодежи, процесс ее адаптации к изменяющимся общественным отношениям, а также восприятие и оценка современной идеологии являются одними из актуальных вопросов в рамках исследования политического сознания молодого поколения. Тот факт, что новое поколение выросло в условиях погружения в коммуникации посредством смартфонов и социальных сетей, включило молодых людей в совершенно новую систему экологии медиапространства, логика которой отличается от логики «доцифрового мира» (Sharkov, Silkin, Abramova and Kirillina, 2018).

Не претендуя на постановку всеобщего диагноза положения молодежи, рассмотрим некоторые основные условия, наиболее сильно влияющие на последующее формирование у нее политического сознания. В общественном мнении утвердилось представление, что с молодежью происходит что-то такое, с чем общество и государство просто не в состоянии адекватно разобраться и действовать. Журналисты и ученые нередко изображают молодежь как «потерянное поколение», часть мира, погрязшего в наркотиках и насилии. Молодежь, проживающая в многонациональных регионах, кроме общих проблем, которые имеет поколение современной молодежи, сталкивается и с проблемами в межнациональном, межкультурном взаимодействии. В ситуации обострения межконфессиональных и межнациональных отношений это проблема становится угрозой не только для регионов, но и для всего общества. «Институт “Медиа в демократии” признает потенциальную роль средств массовой информации в предотвращении

конфликтов, управлении конфликтами и постконфликтных коммуникаций» (Шарков, Силкин, 2025: 213-214).

Молодежь играет центральную роль во многих усилиях по улучшению жизни своих сообществ. Однако наблюдается и некоторое безразличие нынешней молодежи по сравнению с молодежью 60-х и 70-х годов. Этот образ основан на том, что молодежная политика не получила широкого распространения среди молодежи. Среди молодых людей можно найти сотни мотивированных самыми разными причинами молодежных групп, вносящих свой вклад в жизнь своих сообществ. К сожалению, на страницах газет и других СМИ таких ярких примеров почти что не приводится.

Существует определенное согласие в отношении того, что традиционные системы социализации, такие как семья и школа, перестали функционировать в полной мере — и что молодежь создает свои собственные альтернативные пространства для общения. В магистральных коммуникациях в обществе действующими лицами, наряду с субъектами гражданского общества и представителями власти, становятся молодые люди.

Нынешнее поколение сформировалось в контексте двух трансформаций, произошедших в современных обществах в ходе процесса изменения политических систем и коммуникационных структур. Одновременно эти изменения происходили в условиях системного кризиса: экономического, политического, миграционного, климатического, пандемического, инфляционного и т. д. Такая ситуация подтолкнула многих молодых людей к альтернативным формам участия в социально-политической жизни общества, в которых они действуют в соответствии с представлениями, основанными на разочаровании, и чаще всего руководствуются логикой социальных сетей (Figueiras, 2024).

В эпоху цифровых технологий молодое поколение находится в постоянном контакте с другими людьми через опосредованные отношения (не только через социальные сети) и имеет доступ к огромному контенту, создаваемому по всему миру. Молодые люди неразрывно связаны со своими гаджетами, а социальные сети используют для общения, развлечений, получения информации и осуществления политической коммуникации. Центральная роль, которую социальные сети играют в их жизни, отдалила их от информации, распространяемой традиционными СМИ, особенно новостными; с другой стороны, восприятие политики в основном через призму цифровых сетей сблизило их с медиацией, основанной на алгоритмических фильтрах (Figueiras, 2024).

Это привело к тому, что динамика потребления информации строится вокруг разрыва с новостями и политизации, основанной на разрыве с традиционными институтами. В этих условиях молодежь позволяет манипулировать собой агрессивным, политически некорректным воздействиям, которые проводятся под лозунгом свободы самовыражения, которой они сильно привержены.

Сталкиваясь с потоком информации, молодые люди предпочитают альтернативные, более горизонтальные каналы: они больше доверяют инфлюенсерам, сетевым каналам, подкастам, аккаунтам активистов, мемам и друзьям, чем традиционным СМИ. Такой подход отдаляет их от институционального и журналистского посредничества, о котором мы упоминали ранее: недостаточно того, что такой контент доступен в цифровой ленте молодых людей, поскольку они предпочитают то, что соответствует их представлениям о релевантности (Bengtsson, 2023). Для многих институциональный дискурс представляет собой техническую модель коммуникации, которая для молодежи

является слишком сложной для понимания. Молодежь считает неформальность, близость и эмоциональность своего любимого контента более привлекательной, доступной и убедительной. Молодые люди также считают личные истории более аутентичными, искренними и правдивыми и, следовательно, более заслуживающими доверия.

Итак, на политическую жизнь молодых людей одновременно влияют множество факторов, которые могут быть негативными и неблагоприятными для молодежи. При всем желании или нежелании, современная молодежь является альтернативной по отношению к предыдущим поколениям людей.

Молодежь в политической системе Дагестана

Составить интерпретационную схему присутствия молодежи в качестве политического фактора в истории Дагестана — задача не из простых. Эволюция социально-политической динамики России в контексте трансформации материального благосостояния более-менее одинакова в различных регионах. Однако политическая эволюция, особенно в регионах, где преобладает исламская вера, — это нечто другое, поскольку в этом вопросе исследователи должны очень внимательно относиться определенным религиозным подходам к формированию сознания, что оказывается важным ключом к пониманию политических интересов молодежи.

Пожалуй, нельзя однозначно ответить на вопрос: «В какой степени молодежные движения, индуцированные или автономные, оказываются истинным выражением коллективного молодежного осознания политики или являются просто проявлениями протеста поколений или противостоянием определенным аспектам развития общества, в котором они оказываются?».

Бытует мнение, что молодежь Дагестана все меньше интересуется

многими мировоззренческими вопросами, соответственно, не может рассматриваться как политический фактор исторического развития Дагестана. В то же время это не обязательно означает, что они оторваны от реальности. Чтобы понять, как дагестанская молодежь взаимодействует с окружающим миром, рассмотрим особенности сложившейся системы коммуникаций с учетом территориальной и языковой специфики региона.

Дагестан — ярко выраженная многонациональная территория с десятками различных идиом. Здесь живут лезгины, аварцы, даргинцы или табасаранцы, говорящие на разных языках, которые не принадлежат ни к какой другой языковой группе, или кумыки, ногайцы, говорящие на тюркских языках. Здесь также проживают так называемые чеченцы-аккинцы, чеченцы, русские, украинцы.

Дагестан — это регион с самой высокой плотностью языков на всем Кавказе, который, в свою очередь, является регионом с самой высокой плотностью размещения различных языков в Европе в небольшом пространстве. На территории площадью около 50 000 квадратных километров говорят более чем на 40 языках. Большинство языков, на которых говорят в Дагестане, относятся к восточно-кавказской (нахско-дагестанской) языковой семье. Кроме того, в этом районе говорят на трех тюркских (кумыкский, ногайский, азербайджанский) и двух индоевропейских (татский и русский) языках. Большинство дагестанских сел расположены в горной местности. Расстояние между соседними селами обычно составляет от трех до восьми километров, что позволяет добраться до них пешком или на лошади. Несмотря на такие особенности, элиты объединены, а различные этнические группы Дагестана выражено стратифицированы.

Заинтересованные в нарушении мирного сосуществования народов силы излишне драматизируют состояние

напряженности среди молодежи Дагестана. Имеющее место недовольство и негативное поведение молодежи во многих странах имеют общие причины. Рассмотрим исследования некоторых зарубежных авторов. Недовольство молодежи подпитывается факторами неравенства в доходах и ухудшением экономического положения новых поколений по сравнению с предыдущими. Из-за трудностей с поиском стабильной работы и доступного жилья, а также из-за роста стоимости жизни многие молодые люди вынуждены жить на более низкие (и зачастую нестабильные) доходы и иметь мало возможностей и надежд на улучшение своей жизни. Недовольство также связано с их мнением о политике, проводимой демократическими институтами, то есть с неэффективностью государственных и муниципальных служб, политической коррупцией.

Такое восприятие порождает «демократическую апатию» (Foa and Mounk, 2019), проявляющуюся в скептическом отношении к демократическим институтам, низкой явке избирателей и отсутствии интереса к традиционной политике. По мнению М. Сенекалья, «несмотря на недовольство функционированием демократии, многие остаются верны демократическим принципам, а некоторые принимают участие в других формах политической и гражданской активности (например, протестуют против войны в Украине или работают волонтерами в лагерях для беженцев)» (Sénecal, 2014). Как можно заметить, такое описание ситуации в канадской франкоязычной провинции характерно и для ситуации в Дагестане.

По мнению группы ученых Кебриджского университета (Foa, Klassen, Wenger, Rand and Slade, 2020), из-за чувства систематической социальной изоляции и разочарования в способности правительств реагировать на их потребности и проблемы у молодых людей со временем развивается антипатия к политике. Такое состояние вызывает появление движений, враждебно

настроенных по отношению к таким институтам, как СМИ и судебная система, а также к либеральным идеям, таким как уважение к политическим оппонентам. Этот «демократический разрыв» помогает объяснить успех на выборах многих популистских и антиэлитарных проектов в западных обществах. Профессор факультета политических и социальных наук Института публицистики и коммуникативных исследований Берлина Барбара Пфетч (Pfettsch, 2018) называет такую культурную реакцию (изменение ценностей) «деконсолидацией» демократии.

Подобная культурная реакция молодежи Дагестана отмечается и в исследовании М.М. Шахбановой: «11,9 % респондентов Дагестана придерживаются позиции необходимости поддержки со стороны федеральной, 8,6 % — республиканской и 4,2 % — муниципальных органов. О чем свидетельствуют результаты опроса? По мнению автора, опрошенная дагестанская молодежь не ожидает помощи со стороны (от власти), поэтому надеется только на себя и свои силы, какая-то часть и на ближнее окружение. Такая тенденция вызывает определенный оптимизм, уверенность в наличии жизненной стратегии у молодых жителей Дагестана, их готовность самостоятельно достичь определенных целей» (Шахбанова, 2025: 257).

«В рамках подобных тенденций специалисты отмечают преобладание национально-политической мотивации в террористической деятельности над религиозной... в виду чего подключаются несиловые факторы разрушения государственности — снижение демографического потенциала общества, разрушение религиозных скреп, дестабилизация национальных отношений, деградация науки и культуры, воспитания и образования, подключение соответствующих информационно-

психологических механизмов» (Идеология терроризма..., 2022: 7).

Представляют интерес результаты экспертного опроса, проведенного Южно-Российским институтом управления (Филиалом РАНХиГС), который касался проблематики идеологии терроризма и мер противодействия ее распространению. Было опрошено около 900 экспертов из 14 регионов, включая Дагестан. На вопрос: «Какие цели преследует пропаганда идеологии терроризма?» 71,4 % выбрали вариант ответа «Осложнение межнациональных и межконфессиональных отношений». В то же время ответы на этот вопрос жителей различных регионов России сильно отличаются. Так, среди жителей Челябинской области таковых вообще не оказалось. Далее по нарастающей этот вариант ответа выбрали: 4 % — жителей Алтайского края, 6 % — Курганской области, 10 % — Республики Карелия, 12 % — Республики Коми, 15,7 % — Ростовской области и 23,3 % — Карачаево-Черкесии. Данные экспертного опроса репрезентативно раскрывают состояние озабоченности населения возможностью ухудшения межнациональных и межконфессиональных отношений. Для многонациональных регионов данная проблема вызывает реальные опасения населения.

Ответы респондентов Дагестана на вопрос «Как Вы считаете, что необходимо предпринять, чтобы снизить уязвимость молодежи от влияния идеологии терроризма?» сильно отличаются. Так, никто из экспертов среди мер по противодействию распространения терроризма не назвал «Создавать условия для эффективной социальной адаптации молодежи», и лишь 4,8 % выбрали ответ «Вовлекать молодежь в практическую работу по подготовке проектов антитеррористической направленности». На возможность активизации работы по противодействию идеологии терроризма в информационном пространстве, в том

числе в социальных сетях, обратили внимание лишь 11,9 % экспертов. Вариант ответа «Привлекать к работе с молодежью религиозных лидеров и авторитетных политиков, специальных лидеров (старейшины, старосты, представители примирительных комиссий) выбрали 68,6 % экспертов; «Системно проводить на базе образовательных организаций соответствующие воспитательные и культурно-просветительские мероприятия» – 66,2 %.

Предложения экспертов «по осуществлению мер по формированию у населения антитеррористического сознания» поддержало 90,5 %; по «совершенствованию мер информационно-пропагандистского характера и защиты от идеологии терроризма» – 91,7 %. Однако трудно объяснить полное игнорирование предложенных мер «улучшения всей системы воспитания молодежи и работы с семьями» и «совершенствование деятельности правоохранительных органов» (и по первому и по второму вопросам не нашлось никого из экспертов, поддержавших данные предложения). Вызывает изумление и ответ на вариант предложенного ответа среди мер по совершенствованию антитеррористического сознания: «Улучшение профилактической работы с людьми, подверженными влиянию идеологии терроризма» (2,4 % ответов) (Идеология терроризма..., 2022).

Все это дает основания предположить, что далеко не все молодые люди Дагестана могут рассматриваться как субъект политических коммуникаций. В рамках дихотомии «субъект – система» политическая антропология представляет именно человека субъектом политических отношений.

Выводы

Понятие «политическое сознание» изменчиво и постоянно развивается под влиянием множества факторов. Несмотря на то что на формирование политического сознания идентичных групп молодых

людей могут влиять одинаковые факторы, нельзя игнорировать их отличительные особенности у различных поколений молодежи, представителей различных религий, конфессий и субкультур. У каждого поколения молодежи имеется свой уникальный опыт, убеждения, склонности и ожидания. Такие факторы, как возраст, пол, социальный статус и личные интересы влияют на сознание каждого человека и каждой группы, включая политическое сознание. Молодых людей чаще всего не интересуют вопросы, которые важны для общества в целом, и не затрагивают их напрямую. Они уделяют внимание тем проблемам, которые могут оказать конкретное влияние на их повседневную жизнь.

Эволюция политического сознания и поведения дагестанской молодежи в условиях нового социального времени происходит под воздействием социально-экономических, политических, религиозных, демографических и этнонациональных факторов. Опыт политической антропологии подтверждает, что важное место в становлении молодого человека как субъекта, прежде всего, занимает культура. Изменения в мировом порядке влияют на политическое сознание и поведение молодых людей, их ценностные ориентации и жизненные планы, социальные установки, доверие и отношение к политическим институтам. Траектории этих изменений в политическом сознании и поведении молодежи Дагестана во многом схожи с траекторией геополитических процессов, происходящих в мире и в России.

Литература

- Идеология терроризма и меры противодействия ее распространению* (2022), ЮРИУ РАНХиГС, Ростов-на-Дону.
- Шарков, Ф. И. и Силкин, В. В. (2025), *Межкультурные и этноконфессиональные медиакommunikации*, Дашков и Ко, Москва.
- Шахбанова, М. М. (2025), «Социальные ожидания и ценностные ориентации дагестанской молодежи», *Государственное и*

муниципальное управление. Ученые записки, 1, 253-262.

Bengtsson, S. (2023), "The Relevance of Digital News: Themes, Scales and Temporalities", *Digital Journalism*, 13(2), 309-327. DOI: 10.1080/21670811.2022.2150254.

Figueiras, R. (2024), *Young people: between news disconnection and institutional disconnection*. [Online], available at: <https://revistaidees.cat/en/young-people-between-news-disconnection-and-institutional-disconnection/?pdf=72670> (Accessed 22 April 2025).

Foa, R. S., Klassen, A. J., Wenger, D., Rand, A. and Slade, M. (2020). *Youth and Satisfaction with Democracy: Reversing the Democratic Disconnect?*, Centre for the Future of Democracy, Cambridge.

Foa, R. and Mounk, I. (2019), "Youth and the Populist Wave", *Philosophy and Social Criticism*, 45(9-10)? 1013-1024.

Pfetsch, B. (2018), "Dissonant and Disconnected Public Spheres as Challenge for Political Communication Research", *Javnost – The Public*, 25(1-2), 59-65. DOI:10.1080/13183222.2018.1423942

Sénécal, M. (2014), "Critique de la communication: entre connaissance et action", *Critique, sciences sociales et communication*, in George, É. and Granjon, F. (eds), Mare et Martin, Paris, France, 235-264 (in France).

Sharkov, F. I., Silkin, V. V., Abramova, I. E. and Kirillina, N. V. (2018), "Violation of information ecology in media space", *RUDN Journal of Sociology*, 18(4), 765-775.

References

The ideology of terrorism and measures to counter its spread (2022), Publishing House of the RANEP Law Institute, Rostov on Don, Russia (in Russ.).

Sharkov, F. I. and Silkin, V. V. (2025), *Mezhkulturnye i etnokonfessionalnye mediakommunikatsii* [Intercultural and ethno-confessional media communications], Dashkov and Co, Moscow, Russia (in Russ.).

Shakhbanova, M. M. (2025). "Social expectations and value orientations of Dagestani youth", *State and municipal management. Scholar notes*, 1, 253-262 (in Russ.).

Bengtsson, S. (2023), "The Relevance of Digital News: Themes, Scales and Temporalities", *Digital Journalism*, 13(2), 309-327. DOI: 10.1080/21670811.2022.2150254.

Figueiras, R. (2024), *Young people: between news disconnection and institutional disconnection*. [Online], available at: <https://revistaidees.cat/en/young-people-between-news-disconnection-and-institutional-disconnection/?pdf=72670> (Accessed 22 April 2025).

Foa, R. S., Klassen, A. J., Wenger, D., Rand, A. and Slade, M. (2020). *Youth and Satisfaction with Democracy: Reversing the Democratic Disconnect?*, Centre for the Future of Democracy, Cambridge.

Foa, R. and Mounk, I. (2019), "Youth and the Populist Wave", *Philosophy and Social Criticism*, 45(9-10)? 1013-1024.

Pfetsch, B. (2018), "Dissonant and Disconnected Public Spheres as Challenge for Political Communication Research", *Javnost – The Public*, 25(1-2), 59-65. DOI:10.1080/13183222.2018.1423942

Sénécal, M. (2014), "Critique de la communication: entre connaissance et action", *Critique, sciences sociales et communication*, in George, É. and Granjon, F. (eds), Mare et Martin, Paris, France, 235-264 (in France).

Sharkov, F. I., Silkin, V. V., Abramova, I. E. and Kirillina, N. V. (2018), "Violation of information ecology in media space", *RUDN Journal of Sociology*, 18(4), 765-775.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Шарков Феликс Изосимович, доктор социологических наук, профессор, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, пр-т Вернадского, д. 84, г. Москва, 119606, Россия; sharkov_felix@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1477-7414

Дадаев Заур Абдужалильевич, аспирант факультета журналистики, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, пр-т Вернадского, д. 84, г. Москва, 119606, Россия; dadaevzaur642@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Felix I. Sharkov, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadsky Ave., Moscow, 119606, Russia; sharkov_felix@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1477-7414

Zaur A. Dadaev, Postgraduate Student at the Faculty of Journalism, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadsky Ave., Moscow, 119606, Russia; dadaevzaur642@gmail.com